УДК 316.37

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА КАК СФЕРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИТЕРИИ КЛАССИЧНОСТИ

А.Ю. Рыкун

Томский государственный университет
E-mail: blackstne@mail.tomsknet.ru

Рассмотрена тема социологической классики, актуальность которой обусловлена, в частности метатеоретическими дискуссиями, усилившимися в социологии в середине 1990-х годов и не утратившими остроты в настоящее время. В рамках статьи описаны различные критерии отнесения текстов и персон к социологической классике, используемые современным научным сообществом. При этом автор акцентирует дискуссионность как методов исследования классического наследия социологии, так и противоречивость самой темы для современной социологии.

Анализ классики – это анализ текстов, персон и концепций прошлого, сохранивших релевантность для настоящего. В этом, в частности, заключается отличие анализа социологической классики как сферы исследования от истории социологии.

Исследование и восприятие классиков в социологии имеет свою историю. Несмотря на наличие учебников по истории социологии и позиционирование тех или иных персон (разных в различные исторические периоды и в различной академической среде) в качестве классиков уже в первые десятилетия существования данной дисциплины (по крайней мере, в США), вплоть до 1960-х гг. социологи как будто бы сознательно избегали классики, следуя, по видимому, изречению А.Н. Уайтхеда: "Наука, которая боится забыть своих основателей, обречена". В меморандуме У. Огберна, циркулировавшего в начале 50-х в университете Чикаго, прямо рекомендовалось воздерживаться от изучения ранних социологических текстов, причём, изучение ранней социологии молодым поколением уподоблялось изучению алхимии современными студентами-химиками [1. С. 62]. Д. Ливайн квалифицирует такое отношение социологов к собственному прошлому как одно из "любопытных следствий борьбы социологии за научную респектабельность и полноценность" [1. С. 61]. Речь идёт о сформировавшемся с оглядкой на естественнонаучный образец представлении, согласно которому достойные внимания результаты, достигнутые в прошлом должны стать органичной частью современных концепций, вследствие чего непосредственное обращение оказывается пустой интеллектуальной прихотью.

Такое положение сохранялось до тех пор, пока сохранялся статус социологии как прогрессивной науки. Как только он оказался поколеблен, в результате осознания нерешённости ряда острых социальных проблем, таких как бедность, расовое и гендерное неравенство, положение изменилось. У ряда авторов, например Э. Шилза, Р. Нисбета, П. Бергера и других наметился растущий скептицизм по поводу научного прогресса социологии, что, вкупе с ностальгическими настроениями и ощущением потребности вернуться к истокам способствовало возрождению интереса к классикам. В целом, помимо удовлетворения ностальгических чувств и потребности в источнике вдохновения классики задавали общие стандарты для исследовательской деятельности и основы для взаимопонимания представителей различных школ и парадигм социологической науки. Осознание проблематичности статуса социологии явилось отражением проблематизации роли представителей социогуманитарного знания вообще, сформулированным, в частности, в виде различения законодательной и интерпретативной стратегий (З. Бауман). Однако причины актуализации классики это тема отдельного разговора. Цель настоящей статьи состоит в анализе критериев отнесения текстов и персон к классикам и основаниям для формирования таких критериев.

В самом понятии "классика" присутствуют как минимум два аспекта: отнесение к прошлому, в особенности к классической эпохе, которая приходится на последние десятилетия XIX – первые десятилетия XX вв., и оценка произведений в качестве образцовых. Таким образом, критерии отнесения текстов и авторских концепций к классическим могут быть контекстуальными, то есть обусловленными особенностями исторической ситуации, и содержательными, характеризующими вневременную ценность самого произведения. Подобным образом трактует последний критерий американский социолог Дж. Александер. Для него "классические работы – это предшествующие продукты исследовательской деятельности человека, которым придаётся привилегированный статус *vis-a-vis* современных исследований в той же области" [2. С. 22]. Понятие "привилегированный статус" означает, что, по мнению современных исследователей, они могут почерпнуть в этих прежних исследованиях не меньше ценного в своей области, чем в современных работах. Приписывание классического статуса также предполагает, что восприятие соответствующей работы в качестве основополагающего образца является общепринятым. Именно вследствие такого рода привилегии анализ и толкования классических текстов имеет столь широкое распространение в самых различных дисциплинах.

Каковы же собственно критерии, на основании которых те или иные работы или персоны из прошлого социологии могут быть отнесены к классическим или образцовым? Поскольку речь идёт об особой разновидности научного знания, социогуманитарной, а не о любом научном знании, естественным атрибутом классика, наряду с наличием у него универсальных признаков превосходства в сфере научной деятельности, должен быть специфический вклад в развитие собственно социологического типа знания. Однако зачастую критерии отнесения работ или персон к социологической классике, используемые социологами, оказываются универсальными признаками классического, неспецифическими для данной дисциплины. Так, итальянский исследователь Дж. Погги, связывающий целесообразность обращения к классикам только с обучением студентов-социологов, называет такие их признаки как качество самих текстов, их интеллектуальная утончённость, скрупулёзность и убедительность, отсутствующие в большинстве современных (американских) работах и присущие таким "традиционным" академическим дисциплинам как право. Считая термин "наука" в естественнонаучном смысле (*science*) не вполне корректным в отношении социологии, данный автор предлагает квалифицировать её не столь употребимым (к его сожалению) термином *scholarship*, то есть "*учёность*", "гуманитарные науки", "гуманитарное образование". Это качество присуще, например правовым текстам, однако современные социологические тексты его лишены. Но социологические классики, к которым Погги относит "обычное трио", а также Токвиля, Зиммеля, Парето, Мида и "возможно Фрейда" [3. С. 45–46], таким качеством обладают. Сходную (универсалистскую) позицию в отношении социологической классики занимал Р.К. Мертон [4]. Преимущества такого понимания классиков очевидны. Оно демонстрирует общие интеллектуальные достоинства продуктов социологической деятельности, сопричастность их более широкому сегменту научного или гуманитарного знания о человеке и обществе. При этом сам универсализм оказывается относительным, поскольку, в частности и Мертон и Погги указывают как напрямую, так и посредством выбора определённых критериев классического на присутствие в социологическом знании гуманитарной компоненты и отличие его от естественнонаучного образца.

На "родовых" особенностях социологического знания сосредоточивает своё внимание и Дж. Александер. Он отмечает, что поскольку предметом социальных наук является жизнь, способность заниматься ими определяется способностью понимать жизнь, способностями переживать и познавать. Такая способность проявляется трояко.

Во-первых, через интерпретации состояний ума. "Любая генерализация относительно структуры или причин данного социального явления, будь то институт, религиозное движение или политическое событие, основывается на некотором представлении о соответствующих мотивах. Однако для правильного понимания мотивов ... необходима высокоразвитая способность к эмпатии, озарению и интерпретации. При прочих равных условиях, работы социальных учёных проявляющих данные способности в высочайшей степени, становятся класси-

ческими работами, к которым в поисках понимания субъективных наклонностей человечества должны обращаться те, кто обладает более средними способностями" [2. С. 33]. Например, работы знаменитого И. Гоффмана приобрели парадигмальное значение не вследствие его связи с интеракционизмом или репрезентативности его эмпирических результатов, а "вследствие его экстраординарной восприимчивости к нюансам человеческого поведения" [2. С. 33].

Во-вторых, через реконструкцию эмпирического мира. Вследствие тотальной дискуссионности фоновых предпосылок даже объективные эмпирические референты социальной науки оказываются под сомнением. Сложность объектного мира не может быть редуцирована посредством матрицы, основанной на общепринятых дисциплинарных стандартах. Отсюда, исключительное значение приобретают личные способности данного обществоведа к селекции и реконструкции рассматриваемых социальных феноменов. Эти способности сродни творческим способностям людей искусства. Они делают личную реконструкцию классика репрезентативной. "... Возможно, современники и смогли бы перечислить идеально-типические качества городской жизни, но очень немногие оказались бы способны понять и представить анонимность и её следствия столь же богато и живо как сам Зиммель" [2. С. 34]. Классическая работа, безусловно, обладает эстетическими качествами, и требуются поколения, чтобы оценить и понять их нюансы, структуру, а также явные и латентные следствия.

В-третьих, через вынесение моральных и идеологических оценок. Положения, продуцируемые социальными науками, выполняют идеологическую функцию в самом широком смысле. Они являют собой убедительные образцы саморефлексии относительно смысла социальной жизни. Речь идёт не только о способности зафиксировать наблюдаемое, но о способности "сконденсировать и артикулировать "идеологическую реальность" посредством соответствующих риторических троп" [2. С. 34]. Так, "бездушный характер рационализированной современности не только отражается на заключительных страницах Веберовской "Протестантской этики", он создаётся в данной работе" [2. С. 34].

Существуют исследователи, для которых больший интерес представляют не универсальные, но специфические признаки социологической классики. Такой, менее ценностно окрашенный подход с большим акцентом на операционализации, предлагает Р. Холтон. Классикам, к числу которых он относит Маркса, Дюркгейма, Вебера, Токвиля, Зиммеля, Дьюи, Кули, Парка, Мида и Томаса, должны быть присущи: наличие особого, чётко артикулированного понимания "социального", вкупе с разработкой адекватной этому представлению методологии исследования "социального", а также та или иная позиция, артикулированная, по поводу ключевых социологических дихотомий или дилемм. Список таких дилемм может не совпадать у различных авторов, но Р. Холтон указывает на проблематику связанную с такими дилеммами как консенсус-конфликт, структура-действие, факторы и направленность социальных изменений, что предполагает принятие самой идеи изменчивости социальной жизни и чёткое осознание историчности социальных институтов. В данном перечне отсутствуют такие распространённые дилеммы как гендер и частное-общественное. Поскольку социология обязана своим появлением индустриальному обществу и ориентирована, прежде всего, на его изучение, для классических теоретиков также "типично стремление использовать дихотомические понятия с целью обозначения основных различий между новым, современным им обществом и тем, которое было до него". В этой связи "Маркс противопоставляет феодальный и капиталистический способы производства, Дюркгейм – механическую солидарность органической, Тённис различает *Gemeinschaft* (общину) и *Gesellschaft* (общество, основанное на добровольном договоре), де Токвиль противопоставляет традиционно рассредоточенную власть дореволюционного *ancien regime* централизованной власти современного демократического государства. Для классиков также было характерно стремление построить знание об обществе на основе социального реализма и избежать предыдущей "спекулятивной философской трактовки моральных проблем" [5. С. 37]. Позиция Холтона привлекательна также тем, что она охватывает классический период формирования социологии и ограничивается им. Отличительная особенность данного периода, по его мнению, заключается в том, что именно тогда проблематика социологии приобрела в известном смысле "завершённый характер". Были обозначены направления, раскрывавшие оба полюса каждого из основных социологических дуализмов: индивид-общество, действие-структура, микро-макро [5. С. 49–50].

Упоминавшийся выше Р.К. Мертон, также связывает своё понимание классиков с временным контекстом. Однако он называет ещё одну важную историческую задачу, с решением которой связана деятельность авторов классического периода. Речь идёт об обеспечении легитимности социологии как академического предмета.

Рассматривая три этапа развития дисциплины, этап дифференциации от предшествовавших дисциплин, этап институциональной легитимации и этап реконсолидации с другими академическими дисциплинами Мертон указывает на XIX век, впрочем, оговаривая, что выбор этого столетия в известной мере обусловлен удобством эпохи, не слишком удалённой от современности, как на век социологических систем. Создателями теоретических систем оказываются практически все пионеры социологии, или "отцы-основатели", действовавшие на этапе дифференциации. Они создавали системы не потому, что были внутренне предрасположены к такому способу конструирования научного знания, но потому, что такова была их роль,

обусловленная временем, связанная с "поиском интеллектуальной легитимности для этой "новой науки об очень старом предмете" [4. С. 50]. В той ситуации не было возможности заниматься конкретными социологическими проблемами, необходимо было определить рамки социологического мышления в целом. В числе пионеров социологии Мертон называет Вико (возможного родоначальника дисциплины), Сен-Симона, Конта, Стайна (Stein) и Маркса.

Притязания социологии на институциональную легитимность исходили от "основателей современной социологии". Они адресовались к "институционализированным статусным экспертам в отношении интеллекта", то есть к университетам. Основатели современной социологии, Вебер, Дюркгейм и Зиммель, были заняты вопросами, "удовлетворительное решение которых, предположительно оправдало бы существование социологии как автономной академической дисциплины". Вопросы следующие: возможна ли наука об обществе? Практически все они считали, что "да". Отсюда следующий вопрос: что есть социология? Иначе говоря, какова её специфическая предметная область, специфические проблемы и специфические функции, в общем – "специфическое место в академическом мире" [4. С. 51]. Ответы были получены во множестве, но интерес к этим вопросам, сохраняющийся в настоящее время, показывает, что они не были окончательными. Те поколения социологов не добились полной академической легитимности. Одним из средств её достижения было найти такие компоненты социальной жизни, которые не получили систематического рассмотрения в других дисциплинах. Примерами такого рода могут служить геометрия социального взаимодействия Зиммеля и его устойчивое внимание к молекулярным компонентам социальных отношений, а также социальная амелиорация и благотворительность, как особый предмет рассмотрения ранних американских социологов.

Другим проявлением стремления к институциональной легитимности были попытки "достичь автономии посредством самоизоляции", примером чего является Дюркгеймовское табу на использование систематической психологии, которое было отчасти неверно истолковано и, тем не менее, оставило печать на всех работах, принадлежащих данной традиции.

Последнее наблюдение весьма показательно. Очевидно, что определение дисциплинарных границ означает не только включения, но и исключения, однако менее очевидно, что отбор может носить произвольный и случайный характер, оставаясь при этом вполне судьбоносным. Так классический период, действительно явившийся формативным для социологии и социальной теории, поскольку именно в то время "предыдущие разрозненные интересы пост-ренессансных теоретиков" [5] консолидировались во всё более связный перечень важнейших теоретических проблем, таких как проблема структуры и действия, проблема порядка, смысла, и природы самости, которые продолжают лидировать в списке основных и в современной социальной теории, породил и "обширные зоны умолчания". Первая, это "отсутствие какого-либо рассмотрения мира за пределами Европы и Соединенных Штатов, в качестве самостоятельного автономного аспекта социального развития. В целом, возможно лишь за исключением социологии религии Макса Вебера, этот мир выступает просто пассивным контрастом или "примитивной" версией экспансивной динамике возвышающегося Запада. Вторая область забвения, это отсутствие какого-либо систематического или критического рассмотрения деления Западной культуры на сферы "общественное" и "частное", воплощающего гендерные отношения. Образ общества, представленный в классической теории – это образ публичной сферы осевых Западных государств, расположенных по обе стороны Атлантики, в которой доминируют мужчины" [5. С. 49–50].

В этой связи понятны попытки переоценки перечня и вклада классиков дисциплины, сопровождающиеся стремлением придать ей новые методологию и содержание. Такого рода усилия, в частности, систематически предпринимаются авторами феминистской ориентации, незаинтересованными в сепаратизме феминистского социального знания. Ярким примером может быть статья Л. МакДональд, прямо озаглавленная "Классическая социальная теория, включающая женщин-основательниц".

МакДональд настаивает на включение исследователей женщин в число "основателей" или учёных, внесших "вклад ... в развитие методологических принципов, исследовательских техник и построение основополагающих теоретических положений ..." [6. С. 112]. Чтобы доказать целесообразность включения женщин социологов в перечень основательниц дисциплины или значимых персон, МакДональд "исследует как изменились бы сегодняшние социальные науки, если бы этим женщинам было уделено то ... внимание, которого заслуживают их работы" [6. С. 113]. Её перечень, ограниченный "самыми выдающимися" включает пять человек: Жермену де Сталь, Кэтрин Макалэй, Флоренс Найтингейл, Беатрис Уэбб и Джейн Аддамс.

Если бы названные (и некоторые другие) женщины заняли подобающее им место в истории социологии в теории и методологии, произошёл бы ряд изменений. МакДональд указывает на шесть новаций в теории и четыре в методологии. В целом, в теории утвердился бы менее конфликтный образ социальной среды, она стала бы более восприимчивой к гендерной проблематике, отличие человека и общества от социальной среды не воспринималось бы столь радикально и, наконец, изменилось бы восприятие творчества отцов-основателей социологии (мужчин) (названы имена Спенсера, Вебера и Гоббса). В методологии "рутинный" характер приобрела бы интеграция ныне оппозиционных качественных и количест-

венных подходов. Примеры интеграции качественных и количественных методик содержатся в работах Найтингейл, Уэбб и Аддамс. Изменилось бы соотношение исследовательской деятельности и практических социальных программ, в частности социология занимала бы более активную позицию в оценке их эффективности. В этом отношении женщины-социологи рубежа XIX–XX, а также начала XX веков, совмещавшие социальную мелиорацию и исследовательскую деятельность предвосхитили динамично развивающиеся ныне "оценочные исследования" (*evaluation studies*). Кроме того, социология стала бы в некотором смысле "более социальной", более близкой к изучаемой социальной реальности, если бы в нашей дисциплине утвердилась широко применявшаяся "матерями-основательницами" практика широкого публичного распространения результатов своей исследовательской деятельности.

Как видим, списки классиков, несмотря на наличие инвариантов, могут быть различны. В свою очередь, критерии отнесения к классикам связаны с легитимацией социологии или социальной теории или социогуманитарного знания, как полноценной сферы академической или научной деятельности. При этом имеют значение институциональный, культурный и исторический контекст в котором происходит такая легитимация. Например, в молодой американской университетской среде к классикам предъявлялись иные требования, чем в континентальной Европе или Британии с их устойчивыми университетскими традициями естествоиспытательской деятельности и гуманитарной учёности (*scholarship*). На причисление к классикам также влияют и групповые и личные интересы и пристрастия исследователей прошлого. Нельзя отнести персону к классической, если она неизвестна в данной среде. Также нет классика, если нет его последователей в той или иной форме, например в форме школы или интеллектуальной традиции или идеологического влияния [7]. Фактически именно школа или последующая традиция, то есть профессиональное сообщество в той или иной мере создают классика. Классик функционален как наиболее удачное и показательное воплощение точки зрения, с которой солидаризируется данное сообщество (отсюда популярность тезиса об эстетических достоинствах классиков). Значимость классика в социологии обусловлена пониманием социологической деятельности как персонифицированной и уникальной. То обстоятельство, что в качестве классиков обозначаются, прежде всего, персоны, внесшие наибольший вклад в легитимацию социологии как сферы академической, то есть полноценной в научном плане деятельности, представляется, в данной связи, показательным, поскольку само обращение к классикам, сам факт внимания к ним вне зависимости от избираемых персон, означает дистанцирование от естественнонаучного образца и солидаризацию с гуманитарным знанием или даже художественным творчеством (как у Р. Нисбета). В свою очередь, апелляция к классикам социологов позитивистской ориентации воспринимается как парадоксальная, в особенности, если её целью не является размежевание с классиками. Примерами позитивистски-ориентированных социологов могут служить Р. Парк и Э. Бёрджесс, а также Дж. Мэдж. Создатели "позитивисткого нарратива" (в терминологии Д. Ливайна) оценивают классику с точки зрения их роли в построении социологии как науки, основанной на контролируемом наблюдении. Парк и Бёрджесс считают, что работы классиков, таких как Э. Дюркгейм, который, по их мнению, представляет школу социального реализма, предшествуют собственно научной стадии в развитии дисциплины, то есть стадии полевой исследовательской деятельности. Для них Дюркгейм, по преимуществу теоретик и интерес представляют, прежде всего, его теоретические концептуальные находки, в частности концепция коллективных представлений. Показательно, что в своём анализе позиции Дюркгейма они опираются в основном на работы неэмпирического свойства: "Об общественном разделении труда" и "Элементарные формы религиозной жизни". Дж. Мэдж, другой "позитивисткий нарративист", автор оригинальной работы по истории социологии, напротив, рассматривает сугубо эмпирическую работу "Самоубийство". Для него данная книга является индикатором перехода социологии от дилетантизма и спекуляции к состоянию зрелой науки. Её привлекательность в этом отношении обусловлена выработкой аналитических понятий, обладающих эвристической ценностью, а именно понятий социального факта и аномии; формулировкой содержательных положений, обладающих такой устойчивостью (*robust*), что исследования, посвящённые аналогичной тематике не отказались от них даже полвека спустя и открытием ряда методологических приёмов, таких, например, как коэффициент сохранности (*coefficient of preservation*) [1. С. 18–22]. Представляется, что обращение позитивистов или сциентистов (в терминологии С. Сидмана) к классике может быть обусловлено требованиями научной полемики, стремлением придать дополнительный вес своему пониманию специфики социологии, однако такое объяснение вряд ли достаточно (см., например, статью Дж. Тёрнера "Аналитическое теоретизирование" и его монографию "Структура социальной теории").

Для гуманистически ориентированного обществоведа классик, в известной мере, заменяет объективную реальность, то есть совокупность представлений, принятых в качестве адекватного описания объективной реальности сообществом естествоиспытателей (например, такого как "физическая картина мира"). Классик – это предельно отдалённое прошлое социологии, раньше которого нет ничего или есть протосоциология. Вероятно классики это "иное" современной социологии. Их наличие задаёт пространство, в котором могут быть помещены и на основании отстранённых от современности, если не подлинно универсальных, объективных и всеобщих критериев, оценены современные работы и современное состояние социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Levine D.E. Visions of the Sociological Tradition. – The University of Chicago Press, Chicago and London, 1995. – 365 p.
2. Alexander J. The Centrality of the Classics // Turner S.P. (Ed.) Social Theory and Sociology: The Classics and Beyond. Oxford (UK) and Cambridge (MA), Basil Blackwell, 1996. – P. 21–38.
3. Poggi G. Lego Quia Inutile: An Alternative Justification for the Classics // Turner S.P. (Ed.) Social Theory and Sociology: The Classics and Beyond. Blackwell, 1996. – 306 p. (P. 39–47).
4. Merton R.K. On the history and systematics of sociological theory // Merton R.K. Social Theory and Social Structure. 1968 enlarged edition. – New York: The Free Press, 1968. – P. 1–38.
5. Holton R.J. Classical Social Theory // Turner B.S. The Blackwell Companion to Social Theory. – Oxford (UK) and Cambridge (MA): Basil Blackwell, 1996. – P. 25–52.
6. McDonald, L. Classical Social Theory with the Women Founders Included // Ch. Camic (Ed.) Reclaiming the Sociological Classics: The State of Scholarship. – Oxford (UK) and Cambridge (MA): Basil Blackwell, 1997. – P. 112–141.
7. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Издательская группа "Прогресс" – "Политика", 1992. – 608 с.

УДК 13